

Резолюция митинга кинематографистов

22 мая 2000 года

Ликвидация Госкино облегчит доступ к коллекциям фильмов киностудий "приватизаторам" от государства, действующим в интересах крупнейших телемагнатов.

Тем самым киностудии лишатся главного и существенного источника своего существования и неминуемо обанкротятся. Банкротство студий позволит приватизировать их не в пользу кинематографистов.

Так закончится передел кинематографической собственности, а вместе с ним и надежды на возрождение отечественного кино. И это в то время, когда частный капитал, наконец, начал вкладывать деньги в производство фильмов и в строительство новых комфортабельных кинозалов, в которые возвращаются зрители.

Мы надеемся, что когда этот номер "ЭС" выйдет в свет, уже будут приняты решения по поводу взаимоотношений Госкино и Министерства культуры. Разумные — как те аргументы, которые приводили в пользу самостоятельности отрасли кинематографисты на акции в защиту Госкино 22 мая и на IV чрезвычайном пленуме правления СК России 24 мая. Уверены, что эти аргументы будут услышаны и поняты, что будущее российского кино неизбежно принимающим решения. Уже сегодня на документах, которые мы публикуем, хотелось бы поставить пометку: "в архив". Однако пока что нельзя обойтись без знака вопроса. И вопрос этот — не только о судьбе Госкино. А архивы, как мы уже знаем, когда приходит пора, открываются.

Это тем более не оправданно, что Госкино имеет четкую программу действий, связанную с перспективой трансформации этого органа в государственный киноконцерн со своими киностудиями, кинотеатрами и обслуживающей их инфраструктурой.

Не может всерьез быть воспринят тезис о том, что ликвидация Госкино вызвана потребностью в сокращении государственного

аппарата — все сокращения неминуемо заканчивались неоправданным расширением штатов.

Вряд ли экономия, которая реально повлечет за собой сокращение двадцати-сорока человек, будет стоить затрат времени и сил каждого из нас на пути принятия того или иного ответственного решения — разумеется, статус департамента кинематографии в рамках

министерства культуры не облегчит, а только утяжелит этот процесс.

Мы верим в А.А.Голутву и его команду. Мы считаем, что им необходимо дать возможность довести начатое дело до конца.

Мы верим в Президента, который найдет возможность встретиться с кинематографистами и принять правильное решение.

На митинге выступили:

И.Маслеников, С.Кулиш, Э.Рязанов, Н.Фатеева, С.Дружинина, В.Тихонов, И.Скобцева-Бондарчук, Ю.Гусман, М.Глузский, А.Кузнецов, А.Соколов, И.Макарова, Н.Бурляев, С.Никоненко, Е.Жариков, В.Мотыль, Г.Полоха, В.Мережко, И.Шевчук, В.Фомин, А.Булдаков, С.Колосов, а также были зачитаны коллективные письма, кинематографистов, опубликованные в газете "Известия" и "Московский комсомолец".

Великое — не немое

Выступление Никиты Михалкова на IV чрезвычайном пленуме Союза кинематографистов России 24 мая 2000 года

Да, безусловно, Президент волен решать вопросы реструктуризации власти. Мало того, он обязан это делать. И лично я полностью его в этом поддерживаю. Я никогда не скрывал свою точку зрения государственника и давно говорю о необходимости четкой вертикали власти, о борьбе с региональным местничеством и сепаратизмом, об укрупнении регионов, о возможности отъезда губернаторов и так далее.

Но я против волевого беспредела и особенно в таких тончайших вопросах, как общение с творцами, с креативным генофондом страны. Кто лучше нас самих может знать наши проблемы? Кто лучше нас, с помощью родного государства, может их решить? Почему-то в бытовой жизни никто не пойдет лечить зуб к стоматологу или вырезать аппендицит в лесохозяйственном техникуме. Когда же дело касается культуры, практически любой имеет негласное право делать с ней все, что ему заблагорассудится. И отчего никому из власти предержащих и готовящих указ Президенту на подпись, не пришел в голову вопрос: почему же эти чертовы кинематографисты с такой яростью отстаивают чиновников от кино, зачем им лишние начальники, к которым они должны по определению испытывать неприятие? Но дело все в том, что, отстаивая Госкино, как структуру во главе с г-ном Голутвой, мы отстаиваем самостоятельность кинематографа, его независимость от новых чиновников, ничего не понимающих в сложнейшем синтетическом механизме фильмопроизводства, его особенностях и проблемах.

Слияние с Министерством культуры приведет, как это уже было не раз, не к сокращению, а наоборот — к увеличению штата чиновников, вынужденных решать вопросы съемок в таком широчайшем спектре задач, что проблемы театров, цирков, музеев и библиотек, вместе взятые, покажутся им сном золотым. По своему опыту знаю, как широк разброс интересов и контактов во время съемочного периода, когда, например, на "Сибирском цирюльнике" мне в течение 45-ти минут приходилось успевать пообщаться с Премьером Черномирдиным, Министром обороны Родионовым и дрессировщиком воровьев.

А если присовокупить сюда еще и отраслеобразующую сферу: такую, как производство киноаппаратуры и пленки, проекционного оборудования, кинопроекторную сеть, ВГИК, Театр киноак-

тера, Высшие режиссерские курсы, три крупнейшие киностудии художественных фильмов с многотысячными коллективами... (могу перечислять и дальше), надеяться на стремительный рост киноиндустрии без отдельного координирующего центра — невозможно.

Но добро бы попытка провести подобный эксперимент проводилась сейчас в первый раз и потом, после провала, можно было бы сослаться на неопытность. Но история отечественного кинематографа говорит нам о том, что трижды его пытались лишить самостоятельного органа управления и трижды, убеждаясь в несостоятельности и нецелесообразности этого решения, выделяли в отдельную отрасль. Кому же понадобилось сегодня вновь совершать это бессмысленное насилие? Причем, вопреки единодушному протесту всех тех, кто создает этот самый кинематограф? Кто знает фильмопроизводство досконально, начиная с замысла сценария и кончая последней монтажной склейкой, для кого кино не профессия, а жизнь? И почему именно сегодня в такой спешке понадобилось отнять у кинематографа самостоятельность. Почему пять, семь лет назад, когда он — нищий и полуживой — дышал на ладан, а в большинстве кинотеатров продавались машины и диваны, к нему не проявляли такого интереса?

Ответ прост. Отрасль начала подниматься! Уже ясно вырисовывается перспектива. Более 80 кинотеатров в стране оборудованы новейшей техникой Dolby Stereo-Surround. Оживает отечественный кинозритель. А это ни много ни мало почти 100 миллионов человек. Теперь умножьте это на одно посещение в год и всего на один американский доллар. Вы получите внушительную сумму, которая вся без остатка должна была бы пойти на подъем отечественного кинопроизводителя. И это чрезвычайно важно именно сегодня, когда соотношение иностранных фильмов и отечественных двенадцать к одному. Я говорю только про кинотеатры. На телевидении цифры еще более впечатляющие и не в нашу пользу.

Но самое удивительное другое: сегодня нам предлагается некая модель усовершенствования киноиндустрии, якобы рожденная в недрах Министерства культуры, выдаваемая нам как ноу-хау, против которой мы, "закоренелые ретрограды" выступаем с пеной у рта защищая старые формы".

Но разве не мы сами на IV

съезде кинематографистов предложили абсолютно новую форму реструктуризации кинопроизводства? Разве не мы предлагали создать внебюджетный фонд, способный в корне изменить положение в киноотрасли? Но уже тогда ряд министерств и ведомств, упрекая нас в сведении на нет роли Госкино, тормозили и блокировали прохождение наших предложений и бумаг. Сегодня же неким чудотворным образом все те же идеи, но уже по-другому названные, объявлены "новым подходом". Только у истоков их будут стоять другие люди. И цель у них будет совсем иной, потому что кино для них не цель жизни, а средство обогащения.

Мы помним то время, когда большинством наших соотечественников были уверены в том, что глава государства не знает о происходивших в стране беззакониях. Тогда это была неправда. Сегодня, я уверен, я хочу верить, что наш новый президент, на вершине власти, овеваемый ледяными ветрами государственных интересов (по словам де Голля), просто не имел возможности глубоко выныкнуть в суть наших проблем. Иначе он не смог бы не прислушаться к голосу тех, на чьих фильмах он воспитывался, пройти мимо писем, подписанных легендарными именами нашего кинематографа.

Наш голос в защиту Госкино сегодня еще тем более знаменателен, что более десяти лет назад именно кинематографисты первыми встали на борьбу с чиновничьим произволом и партийной цензурой. На этом безоглядном пути было сделано много ошибок, и вместе с водой часто выплескивали ребенка. Но не ошибается лишь тот, кто ничего не делает. Сегодня мы вновь находимся на передовой борьбы за честь и достоинство художника. Мы отстаиваем не только нашу отрасль, мы отстаиваем право быть услышанными для всех, кто своим творчеством служил, служит и будет служить Отечеству, вне зависимости от того, каковы фамилии, имена и отчества тех, кто на работу въезжает через Боровицкие ворота или входит в Белый дом. Мы отстаиваем нашу ответственность перед народом за судьбу любимейшего им из искусств — кинематографа. Мы отстаиваем достоинство наших коллег из других творческих союзов, с которыми в случае нашего поражения сегодня, никто на долгие годы не будет церемониться.

Большое начинается с малого! Смолчим сегодня, превратимся в

безропотное стадо завтра! И будем с воодушевлением, со слезами глазами смотреть вверх в неведомые, манящие, мерцающие высоты власти, покорно ожидая гнева или милости! Все равно чего, лишь бы сверху!

Великий русский философ Иван Ильин отделял ум и власть от силы и мудрости, потому что ум может быть коварным, а власть несправедливой, сила же подразумевает здоровье, а умноженная на мудрость, эта сила никогда не позволит быть примененной во вред отечеству, против воли народа. Сегодня мы являемся свидетелями тому, как либо сила по нечаянности поступает без мудрости, либо, что хуже, цепкий ум коммерциализировавшихся чиновников несправедливо пользуется властью в своих интересах, вопреки интересам Отечества.

Да, я понимаю, что закон не имеет обратной силы, понимаю, как неспроста, почти невозможно вернуться к уже подписанному указу. Но вот уже два года я пристально наблюдаю за русским офицером Владимиром Путиным, всенародно избранным сегодня нашим Президентом. И я вижу в нем человека чести; мужественного и справедливого, могущего найти в себе силы исправить ошибки, даже чужие. И именно тогда, когда их еще можно исправить, когда возможно найти компромисс, который будет читаться не слабостью власти, а живой и последовательной силой мудрости. Здоровый, созидательный компромисс — это нравственная учеба. Поэтому нужно учиться. И власти. И нам. Нам нужно учиться жить в новых условиях. И власть не та, что была вчера, да и мы уже не те. Как власти нужно научиться разговаривать с нами, так и нам с властью. И если мы этого не сделаем, та, с давних времен затаившаяся в нас личинка страха, вновь оживет и, разоршися, задушит едва возникающее новое, самостоятельное самосознание и достоинство. И как бы ко всему ни казалась это заманчивой перспективой для достижения своих целей, — это трагическое заблуждение.

Послушное стадо не может, не должно удовлетворять новую власть, нового Президента. Если он хочет видеть в нас общество, а не население, Державу, а не территорию. А он это хочет! Я в это свято верю!

И последнее. Сегодня, 24 мая 2000 года, может решиться многое и не только в нашей с вами судьбе. Это не только вопрос кинематографа, это вопрос будущего страны во всех отношениях. Ибо когда расчетливый ум опирается на власть, не освещенную духовной силой мудрости, рано или поздно это кончается бездуховным безвластием. История нашего Отечества богата таким опытом. Я верю, у нас есть возможность избежать этого сегодня!

Экран и сцена